

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

ХП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения)

Часть 1

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ДУНГАН

"Они войдут толпами в веру Аллаха".

(Из Корана)

Дунгане — одна из групп хуэй, китайцев-мусульман. "В эпоху Вань, — пишут А. М. Реметов и Н. Н. Чебоксаров, — ... сложилась своеобразная группа хуэй, как ответвление китайского этноса, принявшая мусульманство".¹ Консолидирующая роль религии (ислама) в формировании этой группы населения современного Китая и ее влияние как фактора, в частности, объединяющего китайцев-мусульман от всех прочих китайцев в наше время, были настолько велики, что название религии (хуэйцзяо) стало названием этно-религиозных групп, как китайских по нынешней этнической принадлежности, так и не-китайских, объединяемых общим наименованием хуэй. Ибо до 1949 г. "хуэй" именовались нередко все мусульмане Китая (китайцы, уйгуры, казахи и т. п.). После образования КНР "под термином "хуэй" стали понимать только собственно хуэй, т. е. группы мусульман, говорящих по-китайски".² Суть споров об этногенезе хуэй, нынешних китайцев-мусульман и дунган СССР, исторически являющихся их частью, состоит в следующем: были ли это китайцы и только китайцы, принявшие ислам, вариант — "местные китайцы, вмешавшиеся с мусульманами"³, или, наоборот, не-китайские этнические группы, исповадовавшие ислам и принявшие китайский язык. Справедливость существования сомнений в "правомерности выделения хуэй (добавим, нынешних — Е. К.) в народность"⁴ оправдана. Происхождение каждой из групп хуэй: ганьсу-шаньсийской, фуцзяньской или вьнаньской, очевидно, следует рассматривать отдельно.

Обратимся к истории формирования группы китайцев-мусульман, которые проживают в Нинся-хуэйском автономном районе КНР. Это их часть попала в Восточный Туркестан (современная китайская провинция Синьцзян), а затем в пределы советской Средней Азии. Само слово "дунган" (дунгань), как полагают, есть лишь обозначение того, что эти люди — выходцы из восточных районов Ганьсу, т. е. тех районов, которые входят в территорию нынешней автономии хуэй.⁵

В научном понимании проблем этногенеза "чистых" народов, народов, в формировании которых не участвовали бы различные этнические компоненты, не существует вообще. Это понимание нередко противоречит обыденному сознанию, которое отстаивает "исконность", "чистоту", без многоплеменных примесей, происхождения своего народа. Незнание этнической истории своего народа может стать источником националистических, шовинистических и расистских взглядов. Это замечание не относится прямо к этногенезу дунган, но оно связано с постановками вопроса о нем, с имеющейся дилеммой, а именно, хуэй - это китайцы-мусульмане или это окитаившиеся мусульмане.

Такая формулировка отражает крайние позиции, которых в чистом виде в изучении прошлого дунган ныне не существует. Есть несколько точек зрения, каждая из которых близка к тому или иному полюсу. В 1972 г. А.М.Решетов писал: "каким бы ни был субстрат северных хуэй, их формированиешло на основе китайского языка и культуры при сильном влиянии мусульманской религии".⁶ В целом постановка вопроса, как нам представляется, правильная, хотя автор неоправданно считает, что процесс этот протекал где-то в пределах УП-ХII веков.⁷ Ни о какой даже сколько-нибудь заметной роли ислама в этот период (вторая половина ХII в. - исключение) в этом регионе, где сложилась будущая этно-религиозная группа хуэй, говорить не приходится. Это был буддийский мир, мир китайского, тангутского, уйгурского буддизма. Когда же в 1978 г. А.М.Решетов и Н.Н.Чебоксаров пишут, что "в эпоху Кань... сложилась своеобразная группа хуэй как ответвление китайского этноса" - правильной становится хронология, но авторы волей неволей приближаются к той полярной точке зрения, которая гласит, что хуэй это те же китайцы, только мусульмане. А ведь если это и справедливо на сегодняшний день, то неверно исторически.

Китайские авторы, особенно из числа хуэй, наоборот, считают, что хуэй это окитаившиеся некитайцы, тазики (даши), персы, арабы⁸ и т.п. Они, тем самым, тяготеют к другому полюсу. Надо сказать, что эта точка зрения импонировала и импонирует части мусульманской элиты хуэй, ибо тем самым хуэй, и дунгане в том числе, оказываются потомками арабов, того народа, который выдвинул из своей среды Мухаммеда. Никто не оспаривает фактов оседания согдийцев и даже выходцев из Ирана и из арабской среды в запад-

ных районах танского Китая, но столь же очевидно, что из-за своей малочисленности эти группы выходцев с Ближнего Востока не могли стать основным ядром нынешних хуэй.

"Советские дунгановеды, - пишет М.Суванло, - единодушно считают, что субстратом в формировании дунганской народности были местные ... народы".⁹ Надо сказать, что автору этих строк, как историку, имеющему дело с регионом формирования хуэй, такая постановка вопроса кажется наиболее верной. Время формирования этно-религиозной группы хуэй и этнические компоненты, "местные народы" ее, вот что являлось и должно быть объектом пристального внимания и исследования, когда ставится вопрос об этногенезе хуэй-дунган.

Настоящее сообщение лишь попытка высказаться по двум вопросам проблемы: возможно ли тангутское участие в этногенезе дунган и какова его роль и время начала активной исламизации региона.

Мы уже упоминали о том, что до XIII века нет никаких достоверных исторических данных о существовании в северо-западном Китае стойких и достаточно многочисленных групп мусульман, говоривших на китайском языке. Район Ганьсу-Шеньси был регионом смешанного населения. Там жили китайцы (Дуньхуан, Линчжоу, ряд других местностей), уйгуры, которые до 1036 года правили всей западной частью Ганьсу (Ганьчжоуское ханство), тангуты (центральные округа Ордоса и восточные склоны гор Хэланьшань). Китайцы не составляли господствующего большинства в регионе в целом. Как показывают данные китайской статистики тех лет, в X в., например, в таких округах, как Сячжоу, Сучжоу и других они были в явном меньшинстве. В Сячжоу проживало 19290 семей тангутов и 2096 китайцев, в Сучжоу соотношение китайского и тангутского населения было примерно таким же.¹⁰ После 1036 г. тангуты овладели всей территорией Ганьсу. Тангутское государство, просуществовавшее в этом районе около двухсот лет, было в современном понимании многонациональным. В нем проживали тангуты, китайцы, тибетцы, уйгуры. Ни о каком формировании хуэй в период существования тангутского государства источники говорить не позволяют. Значит, оно могло произойти только после гибели тангутского государства, после 1227 года.

Бывшее население Ся было ассимилировано в том гигантском ассимиляционном реакторе, которым всегда был Китай для соседних малых народов. 800 с лишним миллионов китайцев - это не только

плоды естественного роста китайского населения, это плоды гигантской ассимиляционной работы китайского этноса и его культуры. Мы уже писали о том, что часть тангутов оказалась среди восточно-тибетских племен, часть была ассимилирована монголами, а большая часть китаизирована. Китаизация имела место в двух регионах: в собственно Китае, куда водоворотом событий тех бурных лет была заброшена часть тангутов, — можно быть твердо уверенным, что таковых было меньшинство, — и на бывшей территории Си Ся, как раз там, где сформировалась этно-религиозная группа хуэй.

Этническая среда в Ганьсу, в области империи Кань, именованнейшей Тангут, во второй половине XIII века была чрезвычайно пестрой: здесь жили тангуты, китайцы, уйгуры, тибетцы, бывшие подданные государства тангутов Си Ся, и новые пришельцы: монголы, выходцы из районов Средней Азии, мусульмане по вероисповеданию, люди, заброшенные сюда войнами и делами с монгольскими ханами, осевшие на этом важнейшем тракте из собственно Китая в Среднюю Азию (Маравеннагр) и на Ближний Восток. Этот вопрос уже освещался нами в печати и нет нужды возвращаться к нему подробно.^{II}

Таким образом, если мы стоим на тех позициях, что хуэй сформировались в районе восточной Ганьсу — западной Шэньси, а других данных у науки нет, то вывод М.Суманло о том, что "языком этнического формирования дунганской народности в районах северо-запада Китая стал китайский язык, носителями которого в этих местах были тангуты, главным образом городские и оседлые части остатков тангутского населения Си Ся"^{I2}, логичен и правилен. Надо только добавить, что носителями китайского языка были прежде всего сами китайцы, бывшие подданные Ся, а также уйгуры и тибетцы, во всяком случае их грамотная часть, ибо значительная часть буддистов в Ся и, очевидно, практически почти все чиновничество владели китайским языком. Вывод М.Суманло не противоречит нашему выводу о том, что те тангуты, которые остались на территории своего бывшего государства Ся, были китаизированы. Именно со второй половины XIII в. — в XIV в. местное население — китайцы, тангуты, уйгуры, тибетцы, народности, пришедшие с монголами, и частично сами монголы, китайский язык для которых в каньскую эпоху стал единственным языком общения, слились постепенно в единый этнос, который и стал основой хуэй-дунган. Вот почему вывод о том, что хуэй — просто китайцы-мусульмане, нам представляется неточным, если речь идет об этногенезе хуэй.

Таким образом, гипотеза М. Сушанло не простое предположение, лишенное фактической основы, а вероятность, базирующаяся на всем комплексе фактов, которыми мы располагаем об исторической действительности того региона тех лет, когда могло произойти формирование группы хузэй как самостоятельной этно-религиозной группы населения северо-западного Китая.

Очень существенным, возможно, даже главным, является вопрос о том, когда и как это произошло. Когда и почему ислам стал господствующей религией региона? Старое объяснение о пришельцах из Средней Азии, с Ближнего Востока из стран исповедания ислама малоубедительно. Сколько бы таких пришельцев ни было, их всегда было значительно меньше местного населения, населения — будь то китайцы, тангуты, уйгуры, тибетцы — буддийского по вере. Нужна была сила, заставившая местное население обратиться к исламу, политическая сила, власть, насаждавшая ислам. И такая сила была. Это как раз тот момент, который составляет суть нашего сообщения, заключает в себе то новое, что, нам кажется, может быть добавлено к решению сложной проблемы этногенеза хузэй-дунган.

Итак, той силой, которая произвела исламизацию области Тангут и превратила разноплеменное население Тангута в мусульман-хузэй, говорящих по-китайски, как это ни странно, были монголы, завоеватели, хозяева Тангута, а среди них — хан Ананда, внук знаменитого Хубилай-хана, правитель области Тангут.

Отец Ананда (Ананьда китайских источников) хан Мангала (кит. Мангэла) был третьим сыном Хубилая.¹³ Оба они, отец и сын, Мангала и Ананда, имели титулы Аньси ванов (князей, умиротворителей запада). Мангала получил этот титул в 1271 г., Ананда наследовал его в 1279 г.¹⁴ Ананда был ярким приверженцем ислама, подражателем известному Газан-хану. Религиозные искания монгольской правящей элиты в XIII в. хорошо известны и в поступках Ананды не было ничего, что вызывало бы особое удивление. У хана Мангала часто умирали дети и поэтому воспитание его сына Ананды "поручили одному туркестанскому мусульманину по имени Мехтар Хасан Ах-тачи". "Жена этого человека по имени Зудейха выкормила его грудью, поэтому мусульманская вера укрепилась в его сердце и была непоколебима, он учил Коран и очень хорошо пишет по-тазикски".¹⁵

Придя в 1279 г. к власти, Ананда прежде всего "большую часть стапятидесятитысячного войска монголов, которые от него

зависят, ... обратил в мусульманство".¹⁶ Так как Ананда "сделал обрезание большинству монгольских мальчиков и обратил в ислам большую часть войска"¹⁷, на него последовал донос императору Хубилаю. Ананду на первый раз спасло лишь то, что его преданность и его войска были нужны Хубилаю в борьбе последнего за сохранение престола. И Хубилай по совету жены своей Кокчин-хатун освободил Ананду, взятого под арест, решив не обращать внимания на то, что "все то войско и население области Тангут - мусульмане и упорствуют в этом", предоставив Ананде возможность "самому разбираться в своей вере",¹⁸ т.е. фактически развязав ему руки.

Преемник Хубилая император Тимур благосклонно относился к исламу, и при нем Ананда "много радел о мусульманстве".¹⁹ Если при воцарении Тимура (Чэн-цзуна) в 1295 году, по предположению Рашид ад-дина, Ананде было около тридцати лет, значит он мог родиться где-то около 1265 г. Биографии Ананды в "Юань ши" нет. По описанию Рашид ад-дина, Ананда был "смуглый, с черной бородой, высокого роста, полнотелый".²⁰ Ставка Ананды была у озера Чаган-нор.²¹ Ананда активно насаждал ислам в области Тангут все царствование Тимура. Со смертью Тимура и при воцарении императора У-цзуна Ананда был втянут в борьбу монгольских принцев и, по данным "Юань ши", в 1307 г. был казнен, "пожалован смертью".²² Именно поэтому его биография оказалась за пределами династийной истории.

Деятельность Ананда по насаждению ислама не пропала даром. Не случайно его современник Рашид ад-дин отметил в своем труде, что "из положения Ананды и его войска можно сделать вывод, что в ближайшее время дело ислама в тех областях достигнет совершенства, и, по изречению Корана, - "они войдут толпами и станут правоверными и единобожниками мусульманами ... и их дети и внуки"²³

Рашид-ад-дин не ошибся: шли они толпами или нет, но их дети и внуки, дети и внуки тех, кто населял область Тангут, - китайцев, тангутов, монголов, уйгуров, тибетцев и других народов, очевидно, уже в XIV в. слились в единую группу мусульман, жителей империи Юань, говоривших в основном или по-китайски, или остававшихся еще двуязычными. При воцарении национальной китайской династии Мин эта группа неминуемо была полностью китаизирована и составила в конечном счете ту группу китайцев-му-

сульман северо-запада, частью которой явились и современные дунгане. Сейчас это китайцы-мусульмане. По происхождению это — смесь ряда этносов, в которой очевидно весомой была и тангутская струя.

¹ А.М.Решетов, Н.Н.Чебоксаров, Антропология и этнография о происхождении китайцев, — "Расы и Народы", З., М., 1973, с. 105.

² А.М.Решетов, Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической консолидации, — "Этническая история народов Азии", М., 1972, с.139.

³ Там же, с.141.

⁴ Там же, с.144.

⁵ М.Суманло, Дунгане, Фрунзе, 1971, с.50.

⁶ А.М.Решетов, Об этническом своеобразии хуэй ,с.140.

⁷ Там же.

⁸ М.Суманло, Дунгане , с.58 и далее.

⁹ Там же, с.51.

¹⁰ Е.И.Кычанов, Очерк истории тангутского государства, М., 1968, с.16.

¹¹ Там же, с.315-330.

¹² М.Суманло, Дунгане, с.71.

¹³ Вань ши, цз. 107, изд. "Сы бу бэй яо", с.840. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. II, М.-Л., 1960, с.154.

¹⁴ Вань ши, цз. 108, с.848.

¹⁶ Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. II, с.208.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с.209.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с.185.

22 Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. II, с. 194. Дань ши, цз. 22, с. 173, цз. 108, с. 843.

23 Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. II, с. 209.

Ю. Д. Михайлова

ИЗ ИСТОРИИ "ДВИЖЕНИЯ ЗА СВОБОДУ И НАРОДНЫЕ ПРАВА"
(к оценке событий 1885 г. в Осака)

Под "событиями в Осака" в исторической литературе подразумевается попытка реализации плана демократических преобразований в Японии и Корее, который был разработан группой радикально настроенных участников "движения за свободу и народные права" во главе с идеологом его левого крыла Ои Кантаро. Этот план был задуман с целью возрождения движения, которое после подавления крестьянских выступлений 1882-84 гг., знаменовавших собой его кульминационный период, фактически прекратило свое существование.

К середине 1880-х гг. наблюдается повышение интереса либерального самурайства и буржуазии, составлявших в конце 1870-х - начале 1880-х гг. умеренное направление в "движении за свободу и народные права", к вопросам внешней политики. Это было обусловлено, с одной стороны, попытками Японии добиться пересмотра неравноправных договоров 1856-58 гг., с другой - растущей тягой японской буржуазии к завоеванию внешних рынков, что составляло одну из основ для сближения умеренного крыла "движения за свободу и народные права" с правящими кругами.

Одним из первых объектов внешней экспансии Японии стала Корея. Начиная с 1876 г., Япония навязала ей ряд неравноправных торговых договоров. Антияпонские выступления в Корее, в частности, в декабре 1884 г. послужили дополнительным стимулом к раздуванию в Японии шовинистической пропаганды.

Исследование возникшего в таких условиях плана демократических преобразований в Японии и Корее приобретает особую значимость. Оно дает возможность выяснить, насколько последователь-